

A close-up photograph of a woman's face, focusing on her lips and nose. She is holding a dark, almost black rose to her lips. The background is a blurred outdoor scene with green foliage and a blue structure, possibly a tent. The overall color palette is cool, with teal and blue tones.

ОЛЛАРД
БИБЕР

И ЧТО ЕЙ ДЕЛАТЬ
С СОБСТВЕННЫМ ПРАХОМ?

ЗАПИСКА
С ТОГО СВЕТА

Оллард Бибер
Записка с того света
Серия «Сыскное агентство
Макса Вундерлиха. Лучше,
чем немецкий детектив»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68628602
Записка с того света: Эксмо; М; 2023
ISBN 978-5-04-178629-8

Аннотация

Чудовищное известие! Жаклин умерла. Пока Хильберт был в командировке, жизнь его милой подруги стремительно догорала, словно свеча, и он ничего об этом не знал. Неизлечимая болезнь, врачи оказались бессильны.

Муж Жаклин как никто другой понимал чувства Хильберта, хоть и ревновал, наверное. Рассказал, что ее кремировали и похоронили там же, где покоились ее родственники. И мягко указал убитому горем молодому человеку на дверь – у вдовца было много дел по оформлению наследства Жаклин.

Что оставалось Хильберту? Беспробудно пить, чтобы заглушить боль? Пожалуй, да. Как вдруг он получает почтовый конверт из Майнца от неизвестной пожилой фрау, а в нем смятая

записка с почерком Жаклин. Всего несколько тревожных слов: «Моя жизнь в опасности. Я еще жива, потому что не сказала им ничего. Но они знают о моей тайне...»

Частный сыщик Макс Вундерлих без колебаний берется за это дело.

Замечательный атмосферный детектив о старой доброй Германии 90-х, когда жизнь казалась беззаботной, милой и вечной.

Содержание

1	6
2	13
3	37
4	42
5	52
6	56
7	62
8	69
9	76
10	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Оллард Бибер

Записка с того света

© Бибер О., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Возможные совпадения имен и названий в этом романе с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

1

Старуха семенила по еще мокрому после дождя тротуару улицы, петлявшей между двумя рядами ухоженных домиков. Особенность походки старухи происходила не из физической немощи ее тела, а из уклона улицы. Он был настолько крутым, что смени старуха походку на обычную, ее понесло бы вниз с такой быстротой, что остановиться ей вряд ли удалось бы, даже несмотря на то, что у нее было тренированное тело. Старуха была еще бодра и уверена в своем теле, что относилась на счет фитнеса, которым она занималась три раза в неделю в компании бодрящихся старичков и старушек среднего пенсионного возраста.

Лето началось недавно, листва деревьев и кустов, окружавших некоторые домики, была еще зелено-салатной, а не ядовито-зеленой, какой она бывает в самом конце лета или начале осени. Дышалось после дождя легко. Вместе с дождем исчезли и тучи, которые его принесли, солнце снова засияло высоко в небе. Иногда старуха останавливалась и, приложив ко лбу ладонь, всматривалась вперед и вниз, стараясь что-то там разглядеть. Когда это ей удавалось, она кричала, обращаясь к кому-то внизу:

– Дэзи, Дэзи! Вернись, мое сокровище!

А внизу находился рыжий кокер-спаниель с висящими ушами. В такие моменты он останавливался, делал несколь-

ко неуверенных шажков в сторону хозяйки, затем, непослушно мотнув головой, снова устремлялся вниз по улице, а старуха продолжала свое осторожное движение. Иногда она бросала любопытный взгляд на тот или иной домик, утопающий в цветах. Цветы были ее слабостью. Своим домом она так и не обзавелась, хотя, как всякий среднестатистический житель Германии, мечтала о нем всю свою жизнь. Она выращивала цветы на балконе своей квартиры в многоквартирном доме, который находился на противоположной стороне городского парка. Чтобы попасть на эту крутую улицу с игрушечными домиками, старухе пришлось преодолеть вместе с непослушным Дэзи весь парк, в котором тоже было множество цветов. То тут, то там они возвышались над выкошенными зелеными газонами пестрыми островками-клумбами. На этих газонах собачья радость с особой силой охватывала рыжего Дэзи, и иногда он, разогнавшись, финишировал как раз на каком-нибудь цветочном острове. Старуха кричала и стыдила пса. Он с виноватым видом пятился, некоторое время над чем-то раздумывал, а затем вновь пускался в стремительный забег по газону.

Городской парк и петляющая улица, круто уводящая вниз, составляли маршрут, по которому старуха и собака почти каждый день совершали прогулку от дома до берега Рейна и обратно. Здесь на улице, когда цветы парковых клумб остались позади, управлять Дэзи было проще. Его свободу ограничивали заборчики, окружавшие домики-игрушки, и пес

понуру бежал по тротуару. Когда старуха в очередной раз остановилась, чтобы определить местоположение пса, она поняла, что они приближаются к последнему повороту, после которого улица закончится и начнется неудобный спуск непосредственно к берегу реки. Она представила, что им еще предстоит дорога назад, когда уклон местности будет играть против них, и решила, что сегодня не пойдет к реке. Она громко позвала собаку. По сменившейся интонации голоса хозяйки пес понял, что на этот раз надо остановиться. Он послушно замер возле металлической ограды старого дома, затем, подумав, приблизился вплотную к фундаменту ограды и задрал левую заднюю лапу. Старуха заторопилась, на ходу доставая поводок из кармана легкой курточки. Она приблизилась к собаке:

– Ну вот, бесстыдник, какую лужу сделал!

Дэзи прижал уши и завилял хвостом, подставляя шею. Старуха пристегнула поводок:

– Ну что, пойдем домой? Теперь нам потяжелее будет. Надеюсь, в парке тебя не потянет гонять по газонам.

Дом, возле которого старуха беседовала с собакой, выбивался из общего ряда домов, расположенных на этой улице. Он находился почти у самой реки, окружала его высокая металлическая ограда, закрепленная на массивном каменном фундаменте. Сам дом грязно-серого цвета находился в глубине старого запущенного сада. На старуху он производил гнетущее впечатление. Она его называла «полувиллой».

При этом она не могла объяснить себе, почему называла его именно так. Хотя она никогда не видела настоящей виллы и тем более никогда в ней не была, вилла, в ее представлении, была каким-то необычным домом. Поскольку этот дом был необычным на фоне остальных, значит (решила она однажды), это вилла. Но так как никакой уверенности в этом у старухи не было, был найден компромисс. Так дом стал «полувиллой». Разумеется, никто, кроме старухи, не знал, как она называет этот дом.

Крепко держа поводок, старуха сделала первые шаги. Дэзи обнюхивал все вокруг, натягивая поводок. Вот и там, где заканчивалась ограда «полувиллы», он ткнулся во что-то носом. Старуха разглядела сложенный вчетверо листок писчей бумаги стандартного формата.

– Дэзи, это просто бумажка. Все-то тебе надо понюхать, – проворчала старуха и подумала, что бумажка совсем сухая, а ведь недавно прошел довольно сильный дождь. Значит, бумажка появилась здесь совсем недавно. Примечательно, что на этой улице в это время и в этом месте она никогда не встречала ни единой живой души.

Разумеется, она никогда бы не подняла пластиковый пакет с чем-нибудь (ежели таковой повстречался был на ее пути), более того, она бы даже никогда не пнула его, а лучше бы оттащила Дэзи и обошла находку стороной. Она очень боялась террористов и всяких их штучек, типа взрывных устройств, о которых читала в газетах и слышала по телевизору. Но

это был просто совершенно сухой сложенный вчетверо лист бумаги, странным образом появившийся здесь в безлюдное время после проливного дождя. Старуху обуяло любопытство. Она оттянула Дэзи и, нагнувшись, подняла лист бумаги. Развернув его, она увидела на нем убогий текст, написанный от руки. Буквы были мелкими и кривыми. Старуха зашарила было по карманам, но вспомнила, что очки оставила дома. Снова сложив листок, она сунула его в карман курточки и сказала:

– Ты же знаешь, Дэзи, что я слепая курица. Придется прочесть написанное дома. Давай двигаться дальше.

Когда пришли в парк, старуха почувствовала, как она сегодня устала. Посмотрев в верные песчи глаза, сказала:

– Дэзи, ты не будешь против, если твоя хозяйка немного отдохнет вот на этой скамейке? Что-то я устала, а нам еще предстоит преодолеть целый парк. А ты немного побегашь пока вокруг. Только обещай, что не будешь резвиться на цветах.

Она отстегнула поводок и плюхнулась на скамейку.

Дома старуха заварила себе кофе, а в собачью миску положила немного еды из пакета с нарисованной на нем радостной собачьей мордой. Глядя на Дэзи, аппетитно поедающего собачий корм, она время от времени делала маленький глоток из чашки, когда-то подаренной ей покойным мужем. В голове завертелись воспоминания. Ей стало грустно. Дэзи

ткнулся носом в тапочки хозяйки и завилял хвостом. Так он делал всегда, когда замечал, что мысли хозяйки далеки от насущных забот. Между ними давно уже установилось взаимопонимание, природу которого старуха никогда не смогла бы объяснить, а пес об этом просто не задумывался. Старуха поднялась со стула:

– Ты прав, Дэзи. Я совсем забыла, что у нас есть листок бумаги с текстом. С ним нужно разобраться. Вполне возможно, что дело не стоит и выеденного яйца.

Она прошлепала в прихожую, где висела куртка, взяла нахodka и, снова усевшись на стул и нацепив очки, развернула бумагу. Вот те на. Текст был написан по-французски. В этом она была уверена, так как в гимназии изучала французский, хотя и помнила из этого языка совсем мало слов. Придется идти в комнату и рыться в старом книжном шкафу, где-то там был француско-немецкий словарь.

Найдя словарь, старуха стала листать его потрепанные страницы и записывать найденные значения слов на салфетке. Дело постепенно продвигалось. Самое начало текста вообще не вызывало затруднений, так как это был просто почтовый адрес некоего господина. Господин этот проживал в Германии и, судя по имени и фамилии, был немцем. Вот же есть образованные немцы (не чета ей), которые свободно читают по-французски. Далее шла смысловая часть записки (назвать это письмом трудно). Старуха поняла, что именно этому господину предназначены слова этой части записки.

Она продолжала трудиться. И чем дальше старуха переводила, тем бледнее становилось ее лицо, тем больше расширялись ее зрачки. Когда перевод был закончен, старуха так и осталась сидеть, оцепенев от ужаса, охватившего ее. Она не издала ни звука, и в маленькой квартире установилась гнетущая тишина, лишь изредка нарушаемая поскуливанием Дэзи.

2

Макс Вундерлих, частный детектив, уже три часа сидел в своем старом офисе на Шиллерштрассе. Словосочетание «офис на Шиллерштрассе» стало почти нарицательным в его устных общениях с клиентами и помощницей Мартиной Хайзе. Доходило до того, что Мартина, когда была в добром настроении, звонила ему по телефону и первые ее слова были примерно такие:

– Хай, Максик! Ты где? Как всегда, у себя на Бейкер-стрит?

Такое начало означало, что, во-первых, у Мартины неплохое настроение, во-вторых, подчеркивалась в очередной раз его приверженность дедуктивному методу, исповедуемому великим литературным сыщиком, в-третьих, напоминалось, что словосочетание «офис на Шиллерштрассе» столь же устойчиво, как и «квартира на Бейкер-стрит», где проживали литературные герои Шерлок Холмс и доктор Ватсон, а в-четвертых, Мартина лишний раз хотела напомнить, что она берет за основу своих романов наиболее яркие истории их совместных расследований и является, таким образом, неким аналогом литературного доктора Ватсона.

С утра Макс включил компьютер, пробежал глазами по экрану монитора и в нижнем правом углу экрана увидел, что сегодня 14 июня 2006 года. Ну и что? Почему именно сего-

дня дата бросилась в глаза? Видимо, потому, что уже давно не было приличных заказов? Или не поэтому? Ведь вчера ощущение давности отсутствия заказов было таким же, но дата на экране не вызвала никаких эмоций.

— Две тысячи шестой год, — задумчиво и протяжно произнес он. И тут его осенило. Стало понятно, почему подсознание вдруг отреагировало на дату. Совсем скоро исполнится пять лет с тех пор, как он сделался сыщиком. Дата не круглая, но вполне достойная, чтобы подвести некоторые итоги.

И вот все эти три часа он подводил итоги. Во-первых, он доказал себе и другим, что может жить на доходы, получаемые от занятий сыском; во-вторых (что, собственно говоря, следовало из «во-первых»), он убедился, что этот род деятельности пользуется устойчивым спросом; в-третьих, он узнал (а всякое знание, как известно, небесполезно) столько о «невидимой» части человеческой жизни, сколько не узнал бы за всю жизнь, займись он каким-нибудь другим ремеслом; в-четвертых, все его швейцарские родственники (которые не переставали переживать по поводу прекращения его бухгалтерской деятельности) поверили в то, что сыщик — тоже нужная профессия. После четвертого положительного пункта он на минуту задумался, так как вспомнил, что за прошедшие пять лет он лишь раз побывал на родине в Швейцарских Альпах, с теплой грустью подумал об отце с матерью, представил доброе лицо деда Стефана, поулыбался мысленно ужимкам младшего брата Леона. Прежде чем

приступить к формулированию пятого пункта, он принял решение исправить положение и в ближайшее время изыскать возможность для поездки на родину. Итак, в-пятых, он убедился, что занятие сыском может быть вполне увлекательным, несмотря на его из ряда вон беспокойный характер; в-шестых, в лице Мартины он приобрел верного помощника. На «изобретении» седьмого положительного пункта он застрял надолго, так как ничего путного в голову не лезло. Этому пункту так и не суждено было родиться (по меньшей мере в этот день), так как зазвонил мобильный телефон в кармане джинсов:

– Хай, Максик. Что делаешь?

Он понял, что настроение у Мартины сегодня не очень, и в тон ей ответил:

– Если честно, то ничего важного. Заказов нет.

– Ну как же? Ты же рассказывал, что в прошлом месяце у тебя было дело... по-моему, по наружному наблюдению. По меньшей мере ты так его назвал.

– Ну да, было. Но разве можно это назвать делом? Ревнивый муж хотел узнать, чем занимается его смазливая жена в свободное время. Вообще-то, подобное дело было и в позапрошлом месяце. Только тогда ревнивая жена пожелала узнать, чем занимается в свободное время ее любвеобильный муж. Правда, нанять частного сыщика для подобных «дел» позволяют себе только обеспеченные люди, и они щедро оплачивают такие услуги. Пожалуй, это единственное уте-

шение.

– Это не так уж мало, мой беспокойный сыщик. А тебе обязательно хотелось бы чего-нибудь горяченького? Например, какого-нибудь хитро спланированного убийства?

– Лучше бы какого-нибудь виртуозного мошенничества. Я протестую против убийств, хотя понимаю, что они никогда не прекратятся. Никак не могу свыкнуться с убийствами.

– Я поняла, Максик, что ничем серьезным ты сегодня не занимаешься, а у меня есть парочка свободных часов.

– Хочешь приехать?

– А что тут особенного? Разве помощница не имеет права кое-что обсудить с шефом?

– А разве я это утверждал? Буду только рад.

– Замечательно, скоро я буду у тебя на Шиллерштрассе, или, если угодно, на Бейкер-стрит.

Она отключила связь, а он понял, что настроение у нее поднялось. Нужно к приходу помощницы навести порядок на столе и сварить кофе.

Что новенького скажет Мартина? Наверняка спросит его мнение о последней главе романа, который она сейчас пишет. Он обещал прочесть, прочитал и порадовался, что все-таки осилил главу. Так что какое-то мнение он сможет ей представить. Дипломатично она умолчала в телефонном разговоре о том, что ее, безусловно, волнует. Но он-то ее знает – этот роман будет первой и самой важной темой предстоящей встречи, если только... Он не успел придумать, какое «если

только» сможет изменить порядок беседы, так как снаружи нажали кнопку звонка. Это была все та же кнопка в бронзовом обрамлении с той же надписью возле нее: «Макс Вундерлих. Сыскное агентство».

«Однако быстро она приехала», – подумал он и пошел встречать помощницу.

Но когда Макс открыл дверь, к его удивлению, вместо Мартины он увидел темноволосого высокого мужчину лет пятидесяти. Мартину позади мужчины он разглядел лишь тогда, когда она подала голос:

– Интересное совпадение, господин Вундерлих, я подхожу к двери вашего агентства, и в это же время с другой стороны подходит этот господин и спрашивает меня, не здесь ли находится сыскное агентство. Возможно, я, как это уже бывало, привела вам нового клиента.

Она громко рассмеялась, а темноволосый господин неловко перемялся с ноги на ногу.

– Прошу вас, дамы и господа! – полушутя поторопился сказать Макс и двинулся впереди пришедших по направлению к двери офиса. При этом он добавил:

– Осторожно, у нас тут, как всегда, полумрак.

В комнате темноволосый господин был усажен на диванчик для клиентов, а Мартина, которая уже догадывалась, что приватной беседы сегодня не будет, заняла место помощницы сыщика. Лицо ее отражало некое разочарование, но Макс заметил на нем и признаки заинтересованности. И это было

понятно – ведь каждое новое интересное дело может лечь в основу ее нового романа.

– Давайте познакомимся, – сказал Макс, обращаясь к темноволосому, и в ответ тот сразу же произнес:

– Хильберт, Курт Хильберт, – после чего снова сомкнул свои тонкие губы.

Макс понял, что клиент относится к тем немногословным людям, из которых каждое слово нужно вытягивать. Он взял инициативу в свои руки.

– Очень приятно, господин Хильберт. Меня зовут Макс Вундерлих, а это моя помощница фрау Мартина Хайзе. Вам, видимо, есть о чем нам рассказать.

– Да, – коротко ответил гость и снова сомкнул губы, при этом подозрительно глянув в сторону Мартины.

Макс оценил его взгляд:

– Вас что-то смущает, господин Хильберт? Возможно, вам кажется необычным, что помощницей частного детектива является женщина?

– Что вы, что вы... – смущенно возразил клиент и замолчал.

Макс продолжил:

– Можете доверять фрау Хайзе так же, как и мне. За время нашего сотрудничества она, поверьте, повидала и наслушалась всякого.

Клиент немного успокоился и спросил:

– Господин Вундерлих, какого рода дела вы ведете?

– Любого, связанного с преступлениями. Включая убийства. При этом мы активно сотрудничаем с полицией, но умеем хранить тайны наших клиентов.

– Замечательно, – он съезжился и вновь сомкнул губы.

Макс взглянул на Мартину. Лицо ее выражало понимание ситуации и неподдельный интерес к ней. Сыщик поставил пепельницу перед господином Хильбертом и сказал:

– У нас можно курить, господин Хильберт. Вы курите?

Клиент закивал, открыл свою борсетку и достал оттуда пачку «Честерфилда». Макс услужливо щелкнул зажигалкой. Клиент сделал глубокую затяжку и шумно выпустил дым. Напряженное выражение лица исчезло, на нем даже появилось слабое подобие улыбки. Макс стал пытаться и дальше разговорить клиента:

– Господин Хильберт, расскажите, пожалуйста, о себе, а потом перейдем непосредственно к делу.

Видимо, рассказывать о себе ему было привычнее. Он воодушевился и начал повествование:

– Господин Вундерлих, фрау Хайзе... – он несколько смутился, пожалуй, от официальности выбранного им стиля, но быстро овладел собой. – Я инженер. Занимаюсь альтернативными энергиями. Думаю, вам в общих чертах известно, о чем идет речь...

– Думаю, вы имеете в виду ветрогенераторы или что-то в этом роде, – поспешил блеснуть своими познаниями Макс.

– Вы думаете в верном направлении. Ветроэнергия – один

из видов альтернативных энергий, но я занимаюсь солнечной энергией, в частности солнечными батареями. Наша фирма реализует множество проектов в этой области. К сожалению, Германия не лучшее место для осуществления подобных проектов: у нас мало солнца. Поэтому мы проводим многочисленные исследования в солнечных регионах мира. Вот совсем недавно я вернулся из Египта, где пробыл более года. До этого я побывал в Южной Америке.

Желая приободрить клиента, Макс сказал:

– Постоянные командировки. Пожалуй, хлопотная работа. У вас есть семья?

– Нет. Но не потому, что я в частых командировках, просто так сложилась жизнь. Мне очень нравится моя работа, ведь это постоянное творчество. Здесь меня никто не ждет. Правда, у меня есть сестра, муж которой давно умер. У нее трое детей. Мальчики учатся в университете на разных курсах. Я прилично зарабатываю и помогаю им деньгами. Так что, когда я в Германии, у меня есть круг общения и есть о ком заботиться.

– И вы никогда не испытывали желания найти женщину, завести семью? – спросила Мартина.

Клиент замялся, но потом, видимо решив, что об этом надо сказать, продолжил:

– Признаюсь, есть, точнее, была женщина, которая мне нравилась. Она тоже была сотрудницей нашей фирмы. Правда, она француженка...

– Что ж здесь такого, – вставил Макс. – В Германии немало французов и людей других национальностей. Вот я, например, швейцарец.

– Вы правы, господин Вундерлих, в этом нет ничего особенного, просто к слову пришлось. Эта женщина была замужем. У нее был сын. Я поддерживал с нею хорошие отношения, но не более того. Наши контакты касались лишь профессиональной деятельности, ведь мы занимались одним делом. Три года назад умер ее муж, и я стал подумывать, не сделать ли ей предложение, но неожиданно она снова вышла замуж, и, как вы понимаете, не за меня...

– Пожалуй, вы слишком медлили, – заметила Мартина, считавшая себя специалистом в отношениях между полами.

– Возможно. Даже не представляю, откуда он неожиданно возник... этот пройдоха.

– У этого пройдохи есть имя? – поинтересовался Макс.

– Безусловно, у него есть и имя, и профессия, если то, чем он занимается, можно так назвать. Его зовут Дитмар Гундер. Он игрок.

– Мы все игроки в некоторой степени, господин Хильберт. Во что он играет? В шахматы или теннис? – полушутливо спросил Макс, отлично понимая, о чем идет речь.

Клиент с нотками возмущения воскликнул:

– Ну что вы! Какие шахматы? Он азартный игрок. Играет в казино. Пожалуй, и в рулетку, и в покер. Иногда выигрывает, после чего кутит несколько дней. Часто проигрыва-

ет. Как и все они... эти джентльмены удачи. Одним словом, игра как наркозависимость. Ему постоянно нужны деньги. Этот Дитмар недурен собою, он на пять лет моложе Жаклин. Я думаю, что он вскружил ей голову в один из тех периодов, когда крупно выиграл в казино и шикавал в каком-нибудь ресторане.

Мартина, уставшая хранить молчание, произнесла:

– Так вашу знакомую зовут Жаклин? Она часто посещала рестораны?

– Не скажу чтобы очень, но могла себе позволить бывать в ресторанах, так как неплохо зарабатывала в нашей фирме. Я думаю, что он и женился на ней из-за денег.

Макс оживился:

– Так она богата? Пока что вы назвали ее единственный доход: заработную плату, пусть и неплохую.

– У нее были кое-какие сбережения, оставшиеся от покойного мужа. Но главное – это дом. Прекрасный дом в фешенебельном районе Франкфурта, доставшийся также от мужа. Он стоит больших денег.

– В случае смерти Жаклин дом достался бы этому Дитмару? – спросил Макс.

– Нет. Жаклин завещала дом своему сыну. В случае ее смерти дом не достался бы Дитмару... – господин Хильберт запнулся, но почти сразу же продолжил: – Но это было тогда...

– А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее, – вырва-

лось вдруг у Макса, а Мартина даже привстала со стула.

– Я еще не рассказал вам главного, все еще впереди, – взволнованно сказал клиент и сомкнул губы.

На некоторое время в офисе установилась тишина. Макс и Мартина размышляли каждый о своем. Сыщик думал о том, что еще не услышал от клиента ни одного факта, хотя бы косвенно указывающего на преступление любого характера. Играть в азартные игры закон не запрещает, жениться ради денег тоже не возбраняется, завещать имущество можно кому угодно: на то она и воля завещателя... Мартина думала о несчастной женщине, оставшейся вдовой, но не потерявшей желания вновь обрести личное счастье. Клиент пытался побороть внутренние эмоции, вызванные воспоминаниями о наболевшем. Наконец он заговорил:

– Я уже упоминал, что совсем недавно вернулся из Египта. Пока я был там, мы переписывались с Жаклин, так как продолжали поддерживать хорошие отношения и после ее нового замужества. Полгода назад она сообщила мне, что в автомобильной катастрофе погиб ее сын. Она просила моего совета в отношении дома. Ведь теперь, после смерти сына, существующее завещание теряло смысл. К этому моменту она, пожалуй, уже поняла, что представляет собой Дитмар Гундер, и не хотела бы, чтобы после ее смерти дом достался ему.

Мартина несколько нетерпеливо вдруг спросила:

– Господин Хильберт, Жаклин догадывалась о ваших чув-

ствах к ней? Она понимала, что вы с удовольствием сделали бы ей предложение?

– Думаю, что нет, – в замешательстве ответил клиент, а Мартина подумала, что вот перед ней сидит уже немолодой болван, который даже не намекнул женщине на свои чувства, а признайся он в любви – и это в корне могло бы изменить его и ее жизнь.

Макс же подумал, что этот факт не имеет состава преступления, а потому продолжил спрашивать по существу:

– Господин Хильберт, мне показалось, что вы уверены в том, что Жаклин должна умереть раньше Дитмара. Почему? Разница в возрасте всего пять лет, образ жизни Дитмара не способствует долголетию. Так что проблема наследования дома представляется мне в высокой степени надуманной. Или вам известны иные обстоятельства дела?

– Известны. Около года назад у Жаклин обнаружили злокачественную опухоль. Ее прооперировали, затем назначили терапию. Все было не так уж плохо, но тем не менее шанс умереть раньше этого пройдохи возрос, – он замялся, заерзал на диванчике, глаза его увлажнились. – Да что тут говорить, господин Вундерлих! Жаклин уже умерла.

Воцарилось гробовое молчание. Макс сидел пораженный путаностью его рассказа и иногда поглядывал на Мартину. На ее лице он читал такое же изумление. Потом он решил, что сбивчивость в рассказе клиента связана с душевным потрясением. Может быть, для него она еще жива? Но надо бы-

ло возвращаться к реальности, и сыщик осторожно продолжил:

– Извините, господин Хильберт, и примите наши соболезнования. Как и когда это случилось?

– Этот пройдоха знал, что Жаклин поддерживает со мной дружеские отношения. Я часто ей звонил. Когда я вернулся из Египта, то сразу позвонил. Трубку снял Дитмар. Я попросил к телефону Жаклин, а он ответил, что две недели назад она умерла. Я не поверил и сразу же приехал к нему. Он сказал, что болезнь обострилась, врачи ничего не смогли сделать... Затем показал фотографию, на которой снят гроб с телом Жаклин, – клиент достал платок и вытер увлажнившиеся глаза. – Потом я задал вопросы, касающиеся погребения. Он сказал, что тело кремировали, а урну с прахом захоронили в той же могиле, где уже были захоронены муж Жаклин и погибший в автокатастрофе их сын. Дело в том, что первый муж Жаклин был немцем и у его семьи было место на кладбище. Там Жаклин и похоронили. При нынешней нехватке кладбищенской земли захоронение в одной могиле считается практичным. Теперь Дитмар единственный наследник имущества Жаклин. Все, чего она так не хотела при жизни, случилось. После истечения установленного законом срока Дитмар вступит в законное владение домом, а потом, скорее всего, продаст его, так как определенно имеет крупные долги.

Макс задумался. Ему теперь было понятно все. Не было

только понятно, где же здесь преступление. Он недоуменно взглянул на Мартину, и та, чтобы как-то разрядить создавшуюся атмосферу, сказала:

– Вот видите, господин Хильберт, если бы вы в свое время были понастойчивее и порешительнее, то сегодня наследником были бы вы. Возможно, и Жаклин прожила бы с вами дольше. Ведь наверняка этот игрок ее не любил, и она это чувствовала.

– Вы правы, фрау Хайзе. Дело не в доме, который уйдет с молотка. Я безвозвратно потерял Жаклин. При регулярной терапии и должном уходе она могла бы прожить еще долго. Так говорили доктора.

Мартина, немного поколебавшись, спросила:

– Согласись Жаклин выйти за вас замуж, вы женились бы на ней, уже зная о ее тяжелой болезни?

Хильберт, не задумываясь ни на секунду, коротко ответил:

– Да.

Мартина с удовлетворенным видом вздохнула, а сыщик Вундерлих напряженно думал, лихорадочно отыскивая признаки преступления, и не находил их. Иногда он поглядывал на клиента, который, казалось, впал в состояние протрации. Его тонкие губы слабо шевелились, а невидящий взгляд был устремлен куда-то в направлении стоящего на столе монитора. Потом, словно очнувшись, он вдруг напористо заговорил:

– Господин Вундерлих, вы должны расследовать это дело.

Это нельзя так оставить.

– Что, господин Хильберт? Кого и в чем вы хотите обвинить?

– Здесь что-то нечисто, что-то не так.

– Возможно. Но пока я не вижу фактов, за которые можно зацепиться.

Клиент упрямо продолжал:

– Я чувствую это кожей. Этот Дитмар Гундер преступник. Кстати, я получил письмо... – тут он осекся и надолго замолчал, борясь с какими-то никому не ведомыми своими внутренними чувствами.

Макс тихо спросил:

– От кого, господин Хильберт?

Он вытаращил глаза и выпалил:

– От Жаклин!

Еще не осознав до конца смысл сказанного, Макс спросил:

– С того света, господин Хильберт?

– Нет. Письмо пришло из Майнца, – вполне серьезно ответил клиент.

Макс уже смирился с манерой рассказа клиента. Он уже простил ему некоторые пространственно-временные неточности, допускаемые при изложении фактов, что он считал неестественным для человека его профессии, но объяснял это его волнением и недавно пережитым крупным жизненным потрясением. Но то, что клиент только что сообщил, не лезло ни в какие ворота. Его драматургические способ-

ности (возможно, невольные) оказались выше тех, которые Макс мог бы у него предположить, попроси его кто-нибудь высказаться на этот счет. Клиент по всем правилам драматургии, не акцентируя внимания слушателей на мелких деталях, подвел их к кульминации и сразил наповал. Скорее всего, это было сделано бессознательно, но тем не менее так получилось. Первый акт пьесы окончился. Предстоит второй, и в нем придется уточнять все те мелкие детали, которые клиент считал неважными, хотя именно они позволяют выстроить картину возможного преступления.

Макс откинулся на спинку стула и взглянул на Мартину. Она сидела обессиленная, карандаш выпал из руки, кончики пальцев мелко подрагивали. Казалось, еще немного – и с ней случится обморок. Он сам почувствовал смертельную усталость. Ситуация требовала, как и положено, антракта между первым и вторым актом пьесы. Зрители нуждались в буфете. Макс сказал:

– Господин Хильберт, как вы смотрите на чашечку кофе вприкуску с сигаретой?

Клиент встрепенулся и пересохшими губами выдавил:

– Было бы замечательно.

– Отлично. Мы с фрау Хайзе присоединимся к вам: ведь мы оба заядлые курильщики.

После этих слов он кивнул Мартине, и та послушно удалилась за ширму. Сам же сыщик встал со стула и, подойдя к окну, распахнул его. Обычный шум Шиллерштрассе проник

в комнату, легкий ветерок зашуршал бумагами на столе.

Все трое пили кофе, при этом иногда жадно затягиваясь табачным дымом. Макс прикурил уже вторую сигарету. Клиент почти не отставал от него – первая сигарета из пачки «Честерфилда» уже обжигала его пальцы. Мартина налегала на кофе, то и дело подливая в чашку из кофейника. Никто ничего не говорил, переваривая информацию. Наконец Макс объявил о начале второго акта:

– Господин Хильберт, после того, что мы от вас услышали, возникает масса вопросов. Я думаю, обстоятельства дела требуют существенных уточнений. Я буду задавать вопросы, а вы с максимальной точностью отвечать на них. Фрау Хайзе запишет вопросы и ответы. Не считите это за допрос, но иначе будет сложно установить истину.

– Я к вашим услугам, господин Вундерлих.

– Итак, факт первый. Некоторое время назад погиб в автокатастрофе сын Жаклин. Известны ли вам какие-нибудь подробности, связанные с этим случаем?

– Только то, что тело бедного Пауля было кремировано и захоронено в той же могиле, где покоится его отец.

– Вам известно что-либо о месте автокатастрофы?

– Она произошла недалеко от Франкфурта, где-то в районе Дитценбаха.

– От кого вы получили эти сведения?

– Я уже говорил, что об этом мне написала сама Жаклин, когда я был в Египте.

– Вы хорошо рассмотрели фотографию, на которой снят гроб с телом Жаклин? Это точно она?

– Фотография очень хорошего качества. На ней определенно Жаклин. Разве что немного постаревшая... В последний раз я видел ее живой примерно год назад. Так что время плюс тяжелая болезнь... Я вполне допускаю, что эти обстоятельства могли повлиять на то, как человек выглядит. Но черты лица ее. Нет, я не мог ошибиться.

– Вы говорили, что тело кремировали и похоронили там же, где и погибшего сына.

– Совершенно верно, об этом мне рассказал Дитмар.

– Вы еще не были на этой могиле?

– Нет, но собираюсь там побывать, – виновато ответил клиент.

– Было бы замечательно, если бы вы предоставили нам фотографии Жаклин и Дитмара. Я не исключаю, что таковые могут у вас быть.

– И вы абсолютно правы, господин Вундерлих, – клиент порылся в борсетке и извлек фотографию. – Вот она. Здесь они оба. Сняты вскоре после того, как оформили брачные отношения. Она была очень радостная и подарила фотографию мне на память как доброму другу. – Он вздохнул и добавил: – Она же не знала, как мне это было больно.

Мартина, все это время скрупулезно делавшая пометки в своем блокноте, при последних словах клиента заерзала на стуле и украдкой укоризненно глянула на него. Потом,

обращаясь то ли к Макс, то ли к клиенту, спросила:

– Я могу взглянуть на фото?

Господин Хильберт протянул ей фото, и она принялась его рассматривать. Макс отнес ее желание посмотреть на снимок на счет женского любопытства, господин же Хильберт счел ее заинтересованность фотографией вполне нормальным явлением: помощница сыщика – посчитал он – вполне естественным образом желает рассмотреть лица фигурантов дела. Возвращая фото, она спросила:

– Мы можем оставить фотографию у себя?

– Безусловно, – ответил клиент и протянул фото Макс.

Тщательно подбирая слова и морщась от напряжения, сыщик наконец перешел к главному:

– А теперь, господин Хильберт, перейдем к обстоятельствам, связанным с чудесным воскресением Жаклин. Расскажите нам об этом письме с берегов Рейна.

Клиент некоторое время молчал. По выражению лица можно было предположить, что он хочет сосредоточиться, что определенно было необходимо в сложившейся непростой ситуации. Он прокашлялся и начал говорить:

– Это письмо пришло, как я уже говорил, из Майнца. Его переслала мне некая фрау Сильвия Керн. Старая женщина, живущая в Майнце. Она гуляла со своей собакой и нашла это письмо. В нем был указан мой адрес. В своей сопроводительной записке старая фрау сообщила, что прочла письмо и нашла его очень важным, точнее, очень страшным. Именно

это слово она употребила.

– Когда вы получили письмо от этой Сильвии Керн?

– Буквально вчера, и сразу же занялся поиском сыскного агентства. Вы же понимаете, что мне одному справиться с таким расследованием невозможно. Мой выбор пал на ваше агентство.

– Спасибо за доверие, господин Хильберт, но все же почему вы не обратились в полицию?

– Посудите сами, господин Вундерлих: дело очень странное, тело Жаклин кремировано, и эксгумация невозможна. Все, что я могу предоставить полиции, – это письмо. Я бы даже сказал, просто записку. Боюсь, что полиция не возьмется за это дело по причине отсутствия каких-либо достоверных фактов. Еще и посмеется надо мной. Кто я для Жаклин? Просто один из сотрудников, с которыми она пересекалась по служебным делам. К тому же у полицейских нет материальной мотивации. Это будет пустой тратой времени, которое в данной ситуации не терпит. Я думаю, Жаклин в опасности. Надо торопиться.

– О какой опасности вы говорите?

Клиент всплеснул руками:

– Что же это я в самом деле! Забыл про главное, – он полез в борсетку и извлек оттуда конверт. Затем протянул его Максу.

В своей записке Сильвия Керн писала:

Уважаемый господин Хильберт,

гуляя недавно с собакой, я нашла страшное письмо. То, что там написано, предназначено, вероятно, для вас, так как в тексте есть ваш адрес. Только вы сможете в этом разобраться.

*С уважением,
Сильвия Керн из Майнца.*

Где-то сбоку был нацарапан номер телефона Сильвии Керн.

Макс снова залез в конверт и достал то, что как-то могло прояснить суть дела. Это был все тот же лист бумаги, который совсем недавно обнюхивал рыжий кокер-спаниель, а потом, содрогаясь от ужаса в своей квартирке, держала в руках Сильвия Керн из Майнца. Он развернул лист и издал возглас удивления, на что клиент моментально откликнулся:

– Не читаете по-французски?

– Напротив. Я ведь швейцарец. Правда, из немецкоговорящего кантона, но французским владею. Просто удивился, что ваша Жаклин пишет вам, немцу, по-французски. Она не писала по-немецки?

– Напротив. Прекрасно писала. Она же долгое время была замужем за немцем, да и работала в немецкой фирме. Наверное, так ей было удобнее, – не очень уверенно произнес клиент.

Макс имел на этот счет другие соображения, а потому лишь невнятно пробубнил:

– Да-да... безусловно удобнее...

Итак, перед ним лежала записка, которую он прочел уже несколько раз. Всего несколько предложений:

*Дорогой господин Хильберт,
моя жизнь в опасности. Кроме вас, надеяться мне не
на кого. Если эта записка попадет в ваши руки, ни слова
о ней Дитмару. Я еще жива, потому что не сказала
им ничего. Но они знают о моей тайне. Я не выдам ее,
но могу все равно умереть из-за болезни. Все, больше не
могу писать...*

Ваша Жаклин Эрленбах.

Макс передал записку Мартине и стал задумчиво следить за выражением ее лица. В его голове еще не сложились ясные соображения относительно прочитанного. Чтобы прервать молчание, он перешел к не самым значимым вопросам:

– Эрленбах... это, по-моему, немецкая фамилия?

– Да, господин Вундерлих. Жаклин оставила фамилию первого мужа.

– Это почерк Жаклин? Вы знаете ее почерк?

– Это ее почерк. У меня есть с собой одно из писем, которые она прислала мне в Египет. Оно написано по-немецки, но латинские буквы остаются латинскими. Сомнений в схожести почерков обоих писем не может быть. Вот, возьмите, – господин Хильберт извлек из борсетки еще один листок и протянул его Максу.

Мартина вернула записку Максу. Он еще раз прочел ее и заговорил о более существенном:

– Как вы думаете, почему она пишет о смерти из-за болезни? Вы утверждали, что относительно болезни дело обстояло не так уж плохо.

– Да, но при регулярной терапии. Вероятно, теперь у нее нет возможности лечиться.

Сказанное совпадало с соображениями Макса, и он, соглашаясь с мнением клиента, кивнул.

– О какой тайне она пишет? Вы имеете о ней какое-нибудь представление?

– Никакого, господин Вундерлих. Для меня это такая же загадка, как и для вас.

Пожалуй, спрашивать было больше не о чем. Макс громко, чтобы слышали все, поинтересовался:

– Фрау Хайзе, у вас возникли какие-либо соображения по существу услышанного и увиденного сегодня?

От неожиданности столь официального обращения Мартина даже вздрогнула. Она пожала плечами и сказала:

– Нет, господин Вундерлих. Разве что, если все, что мы узнали сейчас, – это правда, я разделяю надежду господина Хильберта увидеть женщину, которая ему нравится, живой. Не так ли, господин Хильберт?

Возможно, этим вопросом она хотела вызвать какую-то явно поддельную реакцию клиента, что бывает иногда, когда у человека рыльце в пушку. Но ни тени фальши не было на лице клиента, и голос его прозвучал вполне искренне:

– Безусловно, фрау Хайзе. Я сойду с ума от радости, ес-

ли Жаклин действительно жива. Правда, как вы понимаете, непонятных моментов здесь очень много. Но, пожалуй, вы согласитесь, что я был прав, когда утверждал, что Дитмар Гундер скверный человек. Нужно торопиться. Может случиться все что угодно, – лицо его стало серым, а глаза увлажнились.

Макс же сказал:

– Да, господин Хильберт, в деле столько непонятного, что мы должны подумать, возьмемся ли за него. Я прошу два дня на обдумывание. Потом мы, возможно, подпишем контракт. Я позвоню вам, – и добавил: – Все любезно предоставленные вами документы мы временно забираем.

Клиент молча кивнул и поднялся с дивана. Мартина проводила его до двери.

Лето уже набрало полную силу. После обеда было жарко. Небольшое уличное кафе, расположенное на тенистой стороне улицы, где уселись Макс и Мартина, было полно посетителей. Свободных столиков не было. Сыщик и его помощница уже выпили по кружке холодного пива и вяло пережевывали жареные колбаски, про которые ценник в витрине говорил, что они полуметровые. Столь длинными они, конечно, не были, но все же превосходили по длине обычные. Прошло уже два часа с тех пор, как Мартина проводила клиента до двери. В головах обоих был полный раздрай, и они просто поехали куда-нибудь подальше от Шиллерштрассе, чтобы перекусить.

Первым дожевывал колбаски Макс, и он же первым прервал молчание:

– Что скажешь, писательница? Лихо закручено?

Мартина с полным ртом лишь кивнула. Макс продолжал:

– Может быть, сначала о твоём романе? Я прочёл.

Мартина наконец дожевывала колбаску, выпила остатки пива и сказала:

– Нет. Мой роман подождет. Тут, похоже, новый зреет. Ты же видел, как посерело лицо господина Хильберта? Время действительно не терпит. Кроме нас, помочь ему некому.

– Кстати, ты обратила внимание на слово «они» в записке

якобы Жаклин. Что бы это значило? Совсем забыл спросить мнение клиента на этот счет. Хотя думаю, что он не имеет об этом факте никакого понятия.

– Могу только сказать, что кроме этого Дитмара Гундера есть еще кто-то, кто знает про какую-то тайну.

– Совершенно логичный, но абсолютно туманный вывод. Кстати, что думаешь о клиенте?

– Думаю, он чист. Не могу вообразить, что он мог преднамеренно что-то подобное устроить. Он искренен и совершенно неопытен в криминальных затеях.

– Но факты надо проверять. Как смотришь на то, чтобы заняться графологической экспертизой? Есть два текста, написанные якобы этой Жаклин Эрленбах. Хорошо бы, конечно, иметь почерк Жаклин от другого источника.

– Что ты имеешь в виду?

– Положительный результат экспертизы позволит только утверждать, что это почерк одного и того же человека. Но почерк Жаклин ли это?

– Все-таки сомневаешься в достоверности показаний клиента?

– Просто хотел бы для надежности иметь лишнее доказательство. Какой-нибудь ее рукописный текст, полученный от руководства фирмы, придаст бы мне больше уверенности в том, что пишет именно она. Но времени на это нет. Если ты принесешь положительный результат экспертизы, примем его за рабочую версию.

Мартина откинулась на спинку кресла и вздохнула:

– А что с Жаклин-покойницей? Непонятно. Если предположить, что этот Гундер желал ее смерти, чтобы завладеть домом, то не проще ли было заказать ее убийство и стать несчастным вдовцом без этого цирка?

Макса передернуло.

– А был ли цирк? Я займусь проверкой этого предположения. Но только после результатов экспертизы. Так что ты должна поторопиться.

– Я думаю, что уже завтра они у тебя будут. Есть кое-какие связи. Завтра утром позвоню кому надо и договорюсь.

Макс оживился:

– Растешь, моя писательница. Ловлю на слове. Кстати, еще раз о «цирке». Представление могло состояться, так как Гундер очень торопится. Похоже, он и в самом деле имеет крупные долги, а парни из казино долго не ждут. Ну а убить настоящую Жаклин никогда не поздно, тем более что она официально уже умерла. Исчезла же она куда-то. Хотя все это пока лишь догадки.

– Максик, ты помнишь о тайне, упоминавшейся в записке?

– Еще бы.

– Возможно, и поэтому ее не заказали сразу. Она пока еще нужна, но и очень нужны деньги.

– Да. И это единственная наша надежда.

– Какая надежда?

– Надежда успеть спасти ее, – сказал Макс, потом, немного подумав, добавил: – Хотя, может быть, дело обстоит и совсем не так. Ведь кого-то же этот Дитмар, вероятно, похоронил... Просто какая-то мистика...

Мартина помрачнела и подумала, что где и как искать Жаблин (живую или мертвую), никто из них пока не имеет ни малейшего представления. Совсем тихо она сказала:

– Мне вдруг вспомнился наш клиент. Совсем беспомощный в сердечных делах. Я видела выражение страдания на его лице. Этаким взрослый ребенок, ничего не видящий, кроме альтернативных энергий.

– И, как следствие, утративший собственную, – пошутил Макс и подумал при этом, что, возможно, пошутил некстати.

Мартина кисло глянула на него, но промолчала. Затем, немного подумав, спросила:

– А что же с делом? Берешься? Клиент надеется.

– Придется. Надоело следить за любовниками одного и другого пола. Завтра же позвоню клиенту и приглашу для подписания контракта. К тому же хотел бы задать ему еще парочку ничего не значащих вопросов.

Макс откинулся на спинку плетеного кресла и вытер со лба пот. Только сейчас он почувствовал, что на улице по-настоящему жарко. Сейчас неплохо бы нырнуть в бассейн, пусть и воняющий хлоркой. И плыть, плыть, периодически погружая разгоряченное лицо в прохладную воду, и ни о чем не думать. Мартина зашевелилась на своем кресле, как бы

напоминая ему, что она еще здесь. Он спохватился:

– Совсем забыл. Ты, наверное, торопишься. Твое время вышло. Клиент отнял немало времени.

– Да, надо ехать.

– Подбросишь меня к бассейну?

– Снова к этому на Мельхиорштрассе?

– Да. Я привык к нему.

– Нет проблем, – она встала с кресла.

В машине Макс передал помощнице оба письма от Жа-
клин.

Мартина остановилась возле здания крытого бассейна, и он, выходя из машины, бросил ей на ходу:

– Не забудь, завтра я жду от тебя звонка по результатам экспертизы.

Мартина улыбнулась, а через секунду ее автомобиль скрылся за поворотом.

Утро следующего дня началось как обычно. Он все еще жил у фрау Гертнер, но уже подумывал о том, чтобы снять квартиру в другом месте, чтобы быть поближе к офису на Шиллерштрассе. Старая фрау по-прежнему встречала его по утрам свойственной ей улыбочкой и словами, которые она с завидным постоянством повторяла каждое утро:

– Доброе утро, господин Вундерлих. Не выпьете ли со мной кофе?

Иногда он соглашался, и они минут десять болтали ни о чем. Потом он шел к своей машине, провожаемый материнским взглядом старой одинокой фрау. Машина стояла все там же – на Капелленштрассе. Только теперь это была темно-серая «Ауди». Старый дребезжащий «Рено» он продал соседу за пятьсот евро и считал, что осуществил выгодную сделку.

«Все как всегда. Трудно будет отвыкать от того, к чему привык, если сменю место проживания», – подумал Макс и завел машину.

В офисе, прикурив сигарету, сыщик Вундерлих приступил к мысленной беседе с самим собой. Так он делал всегда, когда появлялось новое дело и надо было взвесить возможности сыскного агентства с ограниченным штатом (перед глазами возникла единственная – и та нештатная – сотруд-

ница Мартина Хайзе), чтобы принять решение о заключении контракта. Он не позволял себе безответственно взяться за работу, потому что считал, что клиент, который платит, имеет право рассчитывать на успешное завершение порученного сыщику дела.

Итак, что мы имеем по существу? Клиент обвиняет некоего Дитмара Гундера... Пришлось сразу задуматься. На проверку выходило, что ни одного пункта конкретного обвинения клиент не выдвинул. Дитмар Гундер просто скверный человек. Так считает клиент. Но это в соответствии с законом не считается виной. Скверных людей много, но многие из них гуляют на свободе. Так что есть только предположения в его виновности, и окажись они верными, тогда Дитмар Гундер из скверного человека превращается в преступника, а значит, должен быть изобличен и наказан. Если преступный замысел существует давно, то не исключено, что автомобильная катастрофа, случившаяся с сыном Жаклин, тоже дело его рук. Это очень логично, так как Пауль Эрленбах (носил ли он фамилию Эрленбах? Скорее всего, но не обязательно) был первым препятствием на пути к владению наследством Жаклин. Но заниматься расследованием подробностей давней катастрофы просто нет времени. Сейчас ее расследование никак не ускорит поиски Жаклин, хотя и добавит преступных деяний в копилку Дитмара Гундера (если автокатастрофа его рук дело). Если верить записке, переданной клиентом, Жаклин грозит опасность. Кто ей угро-

жает? Кстати, это слово «они» в записке... Что оно значит? Уж не то ли, что у Дитмара Гундера были подельники? А может быть, этот Гундер вообще ни при чем. Есть какие-то «они», которые все это затеяли, включая автокатастрофу. Нет, не логично. Ведь выигрывает от этого Гундер. Что же, эти парни работали на него? Почему бы и нет? Он же мог с ними договориться, что отдаст им определенную долю после вступления в наследство. Макс ударил себя ладонью по лбу. Непростительная забывчивость! Жаклин в записке просит не говорить ничего Дитмару. Вот еще фактик, указывающий на то, что у того рыльце в пушку. Очень важен результат экспертизы. Интересно, что сообщит Мартина? Допустим, она доложит о положительном результате. Что тогда? Жаклин Эрленбах существует и еще, вероятно, жива. Ее срочно нужно искать. Где и как? Записка была отправлена из Майнца. Вероятно, где-то там в это время находилась и Жаклин. Сильвия Керн, конечно, покажет место, где подняла записку. А что дальше? Дальше следует действовать по обстоятельствам.

А как рассматривать это фото с гробом, в котором лежит якобы тело Жаклин? Для чего сделано фото? Чтобы как можно раньше объявить ее умершей? Почему? Просто срочно нужны деньги. Они всегда нужны в этом мире, тем более в мире азартных игроков. В нем даже иногда убивают за деньги... Так что срочность объявить Жаклин мертвой вполне объяснима. Кроме того, возможно, кто-то похожий на фран-

цуженку лег в гроб, и его сфотографировали для предъявления господину Хильберту, чтобы тот отцепился и не поднимал шум. Никто ведь не предполагал, что ему придет послание «с того света». Стоит ли немедленно ехать на кладбище, чтобы убедиться?.. Убедиться в чем? Что на кладбище есть все признаки недавних захоронений в эту могилу. И что тогда? Пока ровным счетом ничего. Этот факт никак не ускорит поиски Жаклин. Разве что даст основания считать, что на счету Дитмара Гундера есть еще одно преступление. Единственная причина съездить туда немедленно одна – могут открыться какие-то обстоятельства, проливающие свет на содержание записки Жаклин. Ну что ж, это важная причина...

Голова трещала. Макс сварил себе кофе и плюхнулся с чашкой в руке на клиентский диванчик. Он не заметил, как провел в мучительных размышлениях три часа. Надо бы позвонить клиенту и назначить встречу, но нужно подождать, когда позвонит Мартина. А она позвонит только вечером. Тогда придется назначать встречу на завтра. Дорог каждый час. Может быть, все же позвонить господину Хильберту прямо сейчас? Все-таки в его голове уже сложился некий грубый план действий.

– Звоню, – сказал он вслух и достал из кармана мобильный телефон, и вдруг он сам зазвонил. Макс почему-то решил, что звонит вчерашний клиент, и официально сказал:

– Сыскное агентство. Частный детектив Вундерлих.

Мартина рассмеялась:

– Не ждал моего звонка так рано?

– Признаться, нет.

– Считай, что тебе повезло. Экспертиза уже закончена.

– Ну и?!..

– Она подтверждает, что записка и письмо написаны одним и тем же человеком, в чем я, собственно говоря, и не сомневалась.

– Замечательно, Мартина. Ты меня по-настоящему порадовала. Готов тебя расцеловать.

– Наши поцелуйчики в прошлом, да и я сейчас далеко от тебя. Чем занимаешься? Как всегда, муки творчества?

Макс вздохнул:

– Сама понимаешь. Пора начинать рыть.

– Когда что-нибудь нароешь, свяжись со мной. Тогда и письма эти верну. Они тебе могут скоро понадобиться.

Она отключила связь, и Макс сразу же начал набирать номер телефона клиента. Курт Хильберт ответил сразу же:

– Слушаю, старший научный сотрудник Хильберт.

– Господин Хильберт, это частный детектив Вундерлих.

– Отлично, господин Вундерлих. Уже приняли решение?

– Не совсем, но в процессе его принятия. Хотел бы сегодня встретиться. Вы можете приехать?

– Когда?

– Да хоть и прямо сейчас.

– Я смогу быть у вас уже через час.

– Буду ждать.

Господин Хильберт вошел в офис и обвел глазами помещение. Под его глазами были темные круги, и Макс решил, что это последствия бессонной ночи, проведенной в тяжких раздумьях. Но одет он был аккуратнее, чем вчера. Темно-серый костюм и полосатая рубашка с галстуком сменили вчерашний трикотажный ширт с вырезом, из-под которого проглядывала не очень симпатичная майка. Он был тщательно выбрит и источал слабый запах туалетной воды, определить марку которой Макс не рискнул бы. В руках была все та же борсетка. Макс указал на диванчик, на котором клиент провел вчера несколько мучительных часов. Он кивнул и сел, продолжая озираться.

Предупреждая возможный вопрос клиента, сыщик сказал:

– Фрау Хайзе уже занимается вашим делом. Есть некоторые результаты, в частности, графологическая экспертиза показала полное совпадение почерков в записке и в письме, присланном вам в Египет.

– Прекрасно. Значит, вы уже можете приступать к спасению Жаклин?

– Нет, господин Хильберт. Так быстро мы на нее выйти не сможем, но подписать с вами контракт я готов. И скажите, вы в самом деле готовы оплатить довольно крупную сумму? Ведь Жаклин для вас, собственно, никто.

– Да, – твердо ответил клиент.

Оформление бумаг не отняло много времени. Хильберт прочел условия контракта и, не проронив ни слова, подписал его.

– Замечательно, – сказал Макс, сел за свой стол и, внимательно глядя на клиента, заговорил:

– Я должен задать вам еще несколько уточняющих вопросов, прежде чем расскажу о некоторых шагах, которые собираюсь предпринять в ближайшее время. Прошу вас быть предельно сосредоточенным. – Он помолчал немного, обдумывая, с чего начать, потом продолжил: – Вы помните, что в своей записке Жаклин употребила слово «они»?

– Безусловно.

– Что вы думаете по этому поводу? Логично предположить, что речь идет о каких-то, скажем мягко, приятелях Дитмара Гундера. Вы что-нибудь знаете о его круге общения?

– Нет, господин Вундерлих. Я общался с ним единственный раз, когда вернулся из Египта и узнал, что Жаклин якобы умерла. Все, что я знаю о нем, а это совсем немного, сообщила мне в свое время Жаклин. Она никогда не рассказывала о каких-то его знакомых. Она вообще мало рассказывала о Дитмаре. Возможно, и потому, что ее женское чутье подсказывало ей, что мне разговоры о Дитмаре неприятны.

– Вы утверждаете, что основное имущество Жаклин – это дорогой дом в богатом районе Франкфурта. Кстати, Дитмар

сейчас проживает в этом доме?

– Да. Он перебрался туда сразу же, как только они оформили брачные отношения. Фото с гробом Жаклин он продемонстрировал мне в в этом доме, производя впечатление человека, который ощущает себя абсолютным хозяином. Да это и немудрено: ведь он скоро приобретет и все юридические права на этот дом.

– А где он жил до переезда в дом?

– Где-то что-то снимал.

– Сообщала ли вам когда-нибудь Жаклин о наличии крупных денежных средств, дорогих украшений?

– Столь подробно мы никогда не обсуждали этот вопрос. Правда, она заметила как-то, что кое-какие сбережения после мужа у нее остались.

– Фото с гробом, конечно, осталось у Дитмара?

– Да. Он дал его мне просто посмотреть, после чего забрал.

– Вы любезно предоставили нам фотографию с изображением новобрачных Жаклин и Дитмара, – при этих словах лицо клиента исказила горькая гримаса, но Макс сделал вид, что не заметил этого, и продолжил мысль: – Не позволите ли вы мне разрезать фото так, чтобы получились два с отдельными изображениями персон? Иногда, при предъявлении фото возможным свидетелям, необходимо, чтобы одну из персон не видели рядом с другой.

– Я понимаю. Другого фото у меня нет. Изображение это-

го пройдохи меня не интересует. А фото Жаклин дорого мне в любом виде. Так что разрезайте.

– Жаклин работала в той же фирме, где работали вы. Что известно руководству фирмы о ее смерти?

– Только то, что она умерла. Официальная версия, так сказать. О ее болезни тоже знали, поэтому ее смерть никому не показалась неожиданной.

– Участвовали ли какие-нибудь представители фирмы в организации ее погребения?

– Нет. Этот плут все сделал быстро и не уведомил никого о дне погребения. Правда, не преминул получить деньги, которые фирма выделила на похороны.

– На каком кладбище, согласно утверждению Дитмара, похоронили прах Жаклин?

– На Новом кладбище в Оффенбахе.

– На этом кладбище, я думаю, имеется и крематорий?

– Совершенно верно.

Макс встал со стула и, заложив руки за спину, сделал несколько шагов по комнате в направлении окна, затем развернулся и двинулся обратно. Не доходя до клиентского диванчика, развернулся и снова пошел к окну. Так он гасил волнение, вдруг охватившее его. Клиент, ничего не понимая, тревожно следил за перемещениями сыщика. Развернувшись у окна, Макс на этот раз не пошел снова, а остался стоять на месте. Потом, взглянув на клиента, наконец заговорил:

– Господин Хильберт, я намерен завтра посетить это кладбище. Я пока не знаю, чего жду от этого посещения. Вы не обязаны быть там вместе со мной. Но я помню, что вчера вы говорили о вашем намерении побывать на кладбище. Сегодня же мы думаем, что Жаклин жива, а раз так, вы, вероятно, уже не считаете нужным туда ехать?

– Нет, я все равно собираюсь побывать на кладбище. Там похоронен Пауль. Я знал этого приятного молодого человека. Он погиб, когда я был в Египте. Я, естественно, не присутствовал на похоронах. Он сын Жаклин, и я обязан отдать дань уважения его праху.

Макс снова сел за свой стол:

– Отлично. Тогда предлагаю поехать вместе. Скажем, завтра в десять утра.

– Ничего не имею против. На вашей машине?

– Нет, лучше на вашей. Возможно, мне придется задержаться на кладбище. Я бы не хотел, чтобы вы теряли ваше время.

– Тогда я заеду за вами без четверти десять.

– Договорились.

Макс проводил клиента до двери. Оставшись в комнате один, он некоторое время размышлял над тем, почему он тащит Хильберта с собой. Пусть бы навестил могилу сам по себе. Если, конечно, хочет. Какая может быть польза от присутствия клиента на кладбище лично ему, Макс Вундерлиху, и делу, за которое он взялся?

За две недели до описанных событий в кабинет доктора Кольса заглянула дежурная медсестра. Убедившись, что в кабинете, кроме доктора, никого нет, она смело вошла (доктор Кольс позволял это сестрам, если не был занят с пациентами) в помещение и тихонько стояла в ожидании, когда доктор, что-то писавший в это время, обратит на нее внимание. Доктор дописал, привел в движение вращающееся кресло с черной обивкой из искусственной кожи и повернулся к медсестре. Его серые глаза приветливо посмотрели на девушку.

– Что-то важное, Урсула?

– Там привезли гроб с телом. Заявитель некто Дитмар Гундер просит о выдаче медицинского заключения о смерти его жены.

– Что-то я не помню пациентов с такой фамилией. А я выдаю заключения, касающиеся только тех пациентов, которые наблюдались в нашей клинике и лично мною.

– Фамилия жены не Гундер. Ее зовут Жаклин Эрленбах. Доктор Кольс изменился в лице. Взор его затуманился.

– Как это печально, Урсула. Фрау Эрленбах была замечательной женщиной и умницей. Жаль, что теперь о ней придется говорить в прошедшем времени. Она так мужественно боролась с болезнью. И ведь дела обстояли неплохо. Терапия помогала. Да, мы никак не можем одолеть эту проклятую бо-

лезнь, — он замолчал и некоторое время печально смотрел куда-то мимо медсестры. Потом словно очнулся и сказал:

— А почему этот господин не позвонил заранее? Процедура выдачи медицинского заключения требует времени, а рабочий день заканчивается.

— Он звонил утром, но вас не было на работе. А сейчас он просто привез тело в надежде, что вы на месте. Он утверждает, что не может ждать, так как впереди выходные дни.

— Да-да. Мы всю жизнь чего-то ждем, а потом вдруг не в состоянии подождать пару дней, — попробовал пофилософствовать доктор, но сразу же заметил: — Хотя здесь другой случай.

— Да, господин Кольс. Так что я ему должна сказать?

— Бумаги у него с собой? Я имею в виду личные документы его и умершей супруги. Да, и свидетельство о заключении брака. Медицинское заключение выдается только родственникам.

— У него все, что требуется, есть.

— Тогда дайте указания санитарам. Пусть отнесут тело в смотровую.

— Хорошо, док.

Доктор Кольс несколько раз обошел вокруг гроба. Да, это была Жаклин Эрленбах. Но что делают болезнь и смерть с нашим телом? Доктор узнавал и одновременно не узнавал ее. Он взглянул на симпатичного, полного печали Дитмара

Гундера и спросил:

– Она долго страдала?

– Да, доктор. В последние месяцы ей было плохо. Я часто приглашал медсестру, которая делала инъекции обезболивающего. Но держалась Жаклин стойко.

– И после последней терапии, – доктор заглянул в какой-то журнал, чтобы проверить свою память, – ей было плохо?

– Первые дни было лучше, но потом снова ее состояние ухудшилось.

Доктор еще раз обошел вокруг гроба, вспоминая при этом жизнерадостную пациентку, которая постоянно пыталась шутить. Теперь на ее еще недавно веселом лице был синюшный оттенок. Он спросил:

– Она кашляла в последнее время?

– Да, и существенно, – ответил Дитмар Гундер, а доктор Кольс подумал, что это слово неточно отражает состояние больного, у которого распространились метастазы в легких.

Он снова заглянул в журнал и, просмотрев собственные записи, убедился, что именно такое развитие болезни он предполагал у пациентки. Доктор снова обратился к мужу умершей:

– Господин Гундер, примите мои соболезнования, но медицина в данном случае бессильна, а я не Бог. Нет необходимости производить еще какие-то анализы или брать какие-то пробы. Пациентка мне известна, течение болезни происхо-

дило на моих глазах. — Он оглянулся, отыскивая глазами медсестру: — Урсула, оформите, пожалуйста, документы, а я подпишу. И распорядитесь, чтобы санитары отнесли гроб в машину.

Он распрощался с мужем умершей, еще раз извинившись за бессилие медицины, и удалился, сославшись на дела.

Дитмар Гундер после оформления необходимых бумаг сел в машину, куда санитары только что поместили гроб, и, радуясь быстрому завершению дела, завел мотор.

Курт Хильберт подъехал к офису на Шиллерштрассе ровно без четверти десять. Макс к этому моменту уже был на улице и тщательно вытирал бумажной салфеткой грязь с бронзового обрамления кнопки звонка. Он как раз отступил чуть назад и любовался свежим блеском бронзы, когда услышал голос клиента:

- Господин Вундерлих, доброе утро!
- Доброе утро, господин Хильберт! Вы пунктуальны.
- Если вы готовы, можем ехать.

Макс выбросил грязную салфетку в ближайший мусорный бачок и быстро занял место рядом с водителем. Цветы, которые лежали на сиденье, он положил себе на колени.

Оффенбах как город – спутник Франкфурта не только непосредственно граничит с последним, но и взял на себя решение некоторых житейских проблем более крупного соседа. Новое кладбище с крематорием давно уже начало принимать представителей альфа-города¹, завершивших свой земной путь.

Вскоре они уже шли по аллейке вдоль длинного ряда урновых захоронений, высматривая номер, который им сообщили в маленьком домике кладбищенского начальства. Пер-

¹ Альфа-город (или глобальный город) – город, считающийся важным элементом мировой экономической системы.

вым подал голос Курт Хильберт:

– Вот она. Смотрите, господин Вундерлих.

Макс приблизился. На надгробии он прочел три короткие надписи:

Густав Эрленбах, Пауль Эрленбах, Жаклин Эрленбах. И даты рождения и смерти напротив каждого имени. Он отошел в сторону, уступая место Курту Хильберту, который положил на могилу цветы. Когда Хильберт разогнулся, он долго и недоуменно смотрел на надписи на надгробии. Макс тронул его за рукав. Выйдя из оцепенения, тот вздрогнул и посмотрел на сыщика. Потом с трудом произнес:

– Я схожу с ума, господин Вундерлих. Просто ничего не понимаю.

– Мне понятно ваше состояние, господин Хильберт. У меня примерно такое же. Пока не могу дать никаких пояснений. Начинаю работать в соответствии с подписанным нами контрактом. Вы свою миссию уже выполнили и, думаю, можете вернуться к своим обычным делам. Я провожу вас до машины. Сам же задержусь здесь на некоторое время.

Раскат грома прокатился над кладбищем, быстро потемнело, и первые капли дождя забарабанили по аллее. Они торпливо попрощались. Курт Хильберт юркнул в машину и уже оттуда крикнул:

– Держите меня в курсе событий!

Макс кивнул и, на ходу раскрывая зонт, быстро зашагал в глубь кладбища, где кроны деревьев были побогаче. Когда он

проходил мимо густых кустов туи, отделяющих крупное захоронение от окружающих могил, ему показалось, что кто-то сбоку наблюдает за ним поверх кустов. Он резко повернулся и увидел лишь спину мужчины в дождевике, быстро удалявшегося и вскоре скрывшегося в глубине кладбища. При желании его можно было бы догнать и попытаться расспросить, кого он тут выслеживает. Но если появление незнакомца было не случайным, а тем возможным фактом, который он не исключал, планируя поездку на кладбище, то делать это было нельзя ни в коем случае. Он удовлетворенно вслух сказал самому себе:

– Похоже, не напрасно я взял с собой клиента. А этот, в дождевике, пусть пока побегает. Ведь теперь они должны что-то предпринимать, а значит, могут себя обнаружить.

Он направился к крематорию, на ходу размышляя о том, что он там спросит и как, чтобы получить интересующие его ответы. Когда Макс подошел непосредственно к зданию неопределенной формы, где, по его мнению, могло находиться крематорское начальство, дождь уже закончился и солнце пробивалось сквозь быстро исчезающие тучки. Он вошел в помещение, где стоял турникет, справа от которого находился некий застекленный отсек с маячившей за столом дежурной. Сейчас нужно сосредоточиться и говорить очень аккуратно, чтобы не вызвать огонь на себя. Ему очень не хотелось получить отказ, связанный с отсутствием у него каких-нибудь разрешений или чего-нибудь в этом роде. Макс сунул

голову в окошко и сказал поднявшей голову довольно молодой блондинке:

– Добрый день, фройляйн (это уже устаревшее обращение он иной раз использовал, когда хотел потрафить, почему-то надеясь на его магическое действие).

Блондинка ответила и вопросительно смотрела на пришедшего. Макс заговорил тихо и вкрадчиво:

– Моя фамилия Вундерлих. Я редко бываю дома, то есть здесь, в Германии. Моя работа связана с постоянными разъездами. Вот и сейчас я совсем недавно вернулся из заграничной командировки. За это время умерла моя дальняя родственница, – он сделал паузу и напустил печали на лицо.

Блондинка же решила, что знает, чего хочет пришедший, и быстро заговорила:

– Видимо, вы хотите узнать, где похоронена ваша родственница. Так это не к нам. Вам надо к руководству кладбища.

– Я уже был там. И даже побывал на могиле. Она находится среди урновых захоронений.

– Так в чем же дело?

– В этом-то и дело. Значит, она кремирована здесь, у вас.

– Ну конечно, где же еще?

– Насколько мне известно, перед кремацией предоставляются документы, подтверждающие смерть кремируемого.

– Ну да, обязательно. Здесь не проходной двор, порядок соблюдается очень строго. Предоставляется медицинское за-

ключение и свидетельство о смерти.

Сыщику не нужно было свидетельство о смерти, которое выдается на основании медицинского заключения, и он сказал:

– Не могли бы вы назвать фамилию врача, который подписал заключение? Моя родственница болела тяжелой болезнью, я хотел бы поговорить с доктором, у которого она наблюдалась. У меня нет времени разыскивать его другим способом.

– Вообще-то, это нужно делать в установленном порядке, – строго сказала блондинка, а Макс выдавил из себя кислую улыбку, после чего блондинка, казалось, смягчилась. – Как фамилия вашей родственницы?

– Эрленбах. Жаклин Эрленбах.

– Когда примерно была кремация?

– Около двух недель назад.

Блондинка пощелкала мышью на экране и через некоторое время доложила:

– Доктор Кольс из онкоклиники.

– А кто представил тело для кремации?

Она снова защелкала мышью и несколько раздраженно сообщила:

– Тело представил муж умершей.

– Как его фамилия?

– Хотите сказать, что вы не знаете его фамилию? – удивилась блондинка.

– Именно так, любезная фройляйн. Моя родственница совсем недавно вышла замуж во второй раз. Она писала мне об этом.

Совсем обескураженно девица сказала:

– Хороший же вы родственничек. Мужа зовут Дитмар Гундер. Здесь записан и номер его удостоверения личности. Советую вам почаще бывать в Германии.

– Обязательно учту ваш совет. Огромное спасибо, фройляйн.

Он шел по одной из аллеек кладбища в направлении выхода и думал о том, что если организатор происшедшего с Жаклин Дитмар Гундер, то организовал он дело безупречно. Предъявить ему пока нечего.

Оказавшись за оградой кладбища, Макс остановил первое попавшееся такси.

– Господин учитель, господин учитель, – мальчишка тянул руку вверх, стараясь перекричать вдруг разгулявшийся класс. Он почти выскочил из-за парты, чтобы учитель наконец заметил его. Но учитель математики господин Клос, оглушенный криками школяров, сверкая огромными очками, сидящими на кончике вспотевшего носа, ничего не слышал. Не пытаясь унять класс, он, заложив руки за спину и с глуповатой улыбкой на лице, прохаживался по классу – от школьной доски к противоположной стене классной комнаты и обратно. Такое случалось не впервые, и господин Клос знал, что скоро все уймется. Подобные вспышки истощенного подросткового восторга вспыхивали всякий раз, когда учитель в конце урока подбрасывал классу для умственной разминки нечто «горяченькое» из той области математики, с которой в данный момент их знакомил. Строго говоря, понятия и законы логики, которые учитель Клос сегодня изучал со своими подопечными на уроке, не входили в школьный курс математики. Но поскольку курса логики в школьной программе не было, учитель Клос решил посвятить ей пару уроков при изучении курса математики. Он считал – и вполне справедливо, – что без логики нет и математики. Тем, что вызвало такой восторг сегодня, был пример (пожалуй, несколько надуманный) неформальной логики, приве-

денный в форме анекдота. При этом учитель Клос хотел развлечь школяров. Он начал так:

– Скажите, кто из вас знает, кто такой коммивояжер? – он обвел взглядом класс.

Подняла руку только Ангелика Беккер, у которой отец был коммерсантом:

– Это разъездной торговый агент.

– Верно, Ангелика. Правда, на сегодняшний день людей, занимающихся такой профессией, почти нет. Так вот, слушайте анекдот:

– Встречаются в поезде два коммивояжера. Первый спрашивает у второго: «Куда вы едете?» Второй отвечает: «В Ганновер». Тогда первый говорит второму: «Вы говорите, что едете в Ганновер, чтобы я думал, что вы не едете в Ганновер. Но вы же на самом деле едете в Ганновер. Зачем же вы обманываете?»

После этих слов класс разбушевался. При этом хохотали и те, кто понял смысл, и те, до кого он не дошел. Это был своеобразный сброс напряжения, накопленного в течение урока. Когда шум утих, учитель спросил:

– Все поняли, почему между ними произошел такой разговор?

С места вскочила все та же Ангелика Беккер:

– Потому что они конкуренты.

– Правильно, Ангелика. Объясни, пожалуйста, после урока тем, кто не понял.

Учитель вернулся к своему столу и только теперь заметил Дитмара Гундера, сидящего с поднятой рукой. Дитмар был одним из лучших его учеников и вечно задавал какие-нибудь вопросы, выходящие за рамки школьной программы и не имеющие отношения к теме урока. Он жил своей собственной математической жизнью. Учитель Клос посмотрел на мальчишку:

– Что, Дитмар?

– Господин учитель, что такое вероятность?

– В каком смысле?

– В математическом, конечно.

Учитель Клос взглянул на часы:

– Сейчас окончится урок. Останься. После урока постараюсь тебе объяснить.

Так слово «вероятность» вошло не только в лексикон Дитмара Гундера, но и существенно определило его жизнь.

Сорокапятилетний Дитмар Гундер сидел на роскошном кожаном диване в большой комнате дома, который принадлежал его жене Жаклин Эрленбах, но уже скоро должен был перейти в его непосредственное владение. То, что это произойдет, Дитмар мог утверждать с высокой вероятностью. Вероятность того, что нечто может помешать ему стать полноправным хозяином дома, была низка. Он снова вспомнил, как в далеком школьном детстве учитель математики Клос объяснял ему какой-то пример из области теории вероятностей:

– Понимаешь, Дитмар, если мы утверждаем, что вероятность некоего события ничтожна, то это не значит, что оно не может произойти в принципе. Заруби себе это на носу. Оно может произойти, но мы просто говорим, что вероятность этого ничтожна. Ты понял?

В то время Дитмар это понял, а за свою непростую жизнь он еще и убедился, что часто то, что по расчетам имеет высокую вероятность, так и не случается, а то, вероятность чего ничтожна, вдруг обрушивается на голову человека, принося ему массу неприятностей. Он взял со столика возле дивана на четверть наполненный стакан виски и залпом его выпил. Ему нравился роскошный дом, в котором он в настоящее время проживал, но существовала вероятность, что дом придется продать. Насколько высока эта вероятность, он не представлял. Вероятность продажи дома зависела от другого события, которое могло произойти с пока неограниченной вероятностью. Об этом событии не хотелось думать, потому что, не произойди оно вообще, дом тогда точно придется продавать, так как накопившиеся долги никто ему прощать не собирался. И это можно было утверждать со стопроцентной вероятностью.

Продавать дом, конечно, не хотелось. Дитмар встал с дивана и, запахнув дорогой черный халат, скрестил на груди руки. В таком положении он подошел к бару, откуда достал початую бутылку виски, и вернулся к дивану. Неопределенность ситуации давила, и он еще раз наполнил стакан алко-

гольным напитком. В дверь позвонили. Он снова опрокинул стакан и пошел открывать. На пороге стояла темнокожая женщина со специальной тележкой для уборки помещений. На полочках тележки были разложены разные тряпки и мочалки, стояли емкости для воды и пластиковые бутылки с чистящими и моющими средствами. Увидев мужчину в халате, она смущенно на ломаном немецком языке сказала:

– Простите, господин. Я должна здесь убирать. Меня заказала фрау Эрленбах. Она дома?

– Она умерла, – коротко ответил Дитмар.

Женщина продолжала стоять и непонимающе смотреть на Дитмара. Он сказал:

– Но вы можете заходить и делать свое дело.

Он пропустил уборщицу, и та со скорбным лицом начала выполнять привычную для нее работу, стараясь не мешать хозяину. Когда она уходила, спросила:

– Теперь вы будете заказывать уборку? На кого высылать счет?

– На Дитмара Гундера, – ответил он и подумал, что вероятность того, что он будет делать подобные заказы, не очень велика.

Пока женщина убирала, он успел до конца допить бутылку виски, и теперь неприятные мысли не так остро сверлили мозг. Гундер откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза. Телефонный звонок вернул его к реальности. Мужской знакомый голос сказал:

– Привет, Дитмар.

– А, это ты, – ответил он.

– Да. Хочу сообщить тебе кое-что.

– Валяй.

– Этот Курт Хильберт посетил могилу твоей женушки. Я видел это собственными глазами и решил сообщить тебе.

– Ничего особенного. Этот – не от мира сего – изобретатель узнал от меня, что Жаклин умерла. Видимо, решил от-
дать дань уважения или что-то в этом роде...

– Пожалуй, так. Но он был не один.

– Мало ли кого он захватил с собой...

– Это верно. Но потом он уехал, а этот второй остался и
ходил в крематорий.

– Ну и что? У нас там все в порядке.

– Это конечно. Но все же...

– Ты хорошо рассмотрел этого второго?

– Думаю, да. Правда, шел дождь. Пожалуй, я узнаю его,
если встречу.

– А он тебя видел?

– Исключено.

– Ладно. Пока подождем. Но ты продолжай посматривать,
что там и как.

– Безусловно. Я тут подумал, не сообщить ли об этом ту-
да? – голос замолчал.

Дитмар понял, что он умышленно говорит недомолвками
с целью безопасности.

– Я подумаю, – ответил он и положил трубку.

Откинувшись на спинку дивана, Дитмар думал о том, что вероятность только что состоявшегося разговора еще две минуты назад была ничтожной. А вот теперь надо думать, насколько высока вероятность того, что полученное сообщение может принести неприятности. Он снова пошел к бару.

Мартина прикрыла за собой дверь и обвела взглядом офис. Лицо ее было покрасневшимся. Она прошла к клиентскому диванчику и села. Потом она достала из сумочки какие-то женские принадлежности и принялась приводить лицо в порядок. Все это она делала при полном молчании, что было несвойственно ее динамичной натуре. Макс с любопытством наблюдал за нею. Наконец Мартина раскрыла рот:

– Ну и жара сегодня. Представляешь, в моей машине накрылся кондиционер. Что-то надо делать.

Макс улыбнулся:

– Ехать в сервис. Что же еще?

– Вот, кстати, эти письма, – сказала она, укладывая в сумочку свои вещи, и протянула Максу листы бумаги. Он рассматривал их некоторое время, потом сказал:

– Даже не знаю, как начать, Мартина...

– Начни уж как-нибудь.

– Ты проделала очень важную работу, но Жаклин Эрленбах умерла.

– Ты это серьезно говоришь?

– Куда уж серьезнее. Я был на ее могиле. Беседовал в крематории. Ее смерть подтверждается. Я даже знаю фамилию доктора, который подписал медицинское заключение.

– А как же графологическая экспертиза?

– Может быть, все же ошибка? Просто поторопились.

– Не может быть, экспертизу проводил очень опытный специалист.

Мартина заметно разволновалась, вскочила с диванчика и прикурила сигарету. Она сделала несколько шагов по направлению к окну. Потом резко повернулась к Макс и эмоционально воскликнула:

– Но записка существует! Погребенная Жаклин не могла вдруг воскреснуть и написать то, что она написала!

– Верно. Я об этом и говорю. Отсюда следует, что с запиской что-то нечисто.

Но Мартина уже завелась. Она не любила так просто сдаваться.

– А может быть, с погребением не все чисто?!

– И что же? – иронично спросил Макс, в душе соглашаясь со своей добровольной помощницей, так как уже давно принял версию о фальсификации погребения за рабочую. Мартина понемногу успокаивалась и уже тише сказала:

– Ну, не знаю... Может быть, доктор ошибся...

– Принял живую за мертвую? – ухмыльнулся Макс.

Мартина плюхнулась на диванчик. На ее лице было выражение полной растерянности. Потом она снова пошла в атаку:

– А вдруг этот Гундер подкупил доктора?

– Теоретически возможно, но представить трудно. Сде-

лать так, чтобы о подделке документов не знал никто из персонала, очень сложно. А тогда приходится посвящать в это дело еще кого-то. И где гарантия, что при определенных обстоятельствах эта персона не донесет? Представляешь, чем рискует в этом случае доктор?

– Представляю, – тихонько ответила Мартина.

Макс решил больше ее не мучить:

– Но признаюсь, моя версия совпадает с твоей. С погребением что-то нечисто. И для того чтобы так считать, у меня есть пусть и слабые, но основания.

Мартина заинтересованно посмотрела на сыщика:

– Какие?

– Мне показалось, что на кладбище за мной следили.

– Послушай, прошли считанные часы с того момента, как мы узнали об этой истории. Кто из фигурантов может тебя знать? Только несчастный Хильберт.

– Я был на кладбище вместе с ним.

– Что же ты сразу не сказал? – вскричала Мартина. – Пытаешься меня разыграть? Вот за ним и следили. Его-то знает по меньшей мере этот Дитмар Гундер.

– Хильберт покинул кладбище раньше меня.

– Ну и что? Тебя все равно видели рядом с ним. Он уехал – переключились на тебя.

– Я для этого и поехал вместе с ним. Надеялся вызвать панику в стане противника.

– Максик, хватит дурить голову. Мог бы сразу рассказать

все по порядку. Все-таки я помогаю тебе.

– Успокойся, моя писательница. Я просто хотел убедить-
ся, что твой ход мыслей совпадает с моим.

– Нашел время для умственных экспериментов. Переходи
к делу.

– Перехожу. Следующим разумным шагом считаю: первое
– оставить пока выяснение подробностей погребения; второе
– приступить к поиску Жаклин. Возможно, она нам расска-
жет и обо всем остальном.

– Уж больно самонадеянно звучит.

– Посуди сама, все, что связано с этим злосчастным по-
гребением, – уже совершенные преступления, назад их не
отыграешь. Сейчас надо срочно попытаться предотвратить
еще не совершенные преступления. А они, безусловно, пла-
нируются. Я думаю, из содержания записки это следует од-
нозначно.

– Согласна. Кстати, о совершенных преступлениях. Об ав-
томобильной катастрофе ты не думал?

– Конечно, думал. Но выяснение обстоятельств автоката-
строфы, по тем же соображениям, тоже пока придется отло-
жить. Так что вперед, на берега Рейна. Ты поедешь со мной?

Мартина прищурилась, сделала ехидное лицо и с вызовом
спросила:

– А командировочные мне оплатишь?

В свою очередь он шутливым тоном ответил:

– Какие командировочные? Ты у меня нештатный сотруд-

ник. Только транспортные расходы. И потом, разве я когда-нибудь забывал о тебе после дел, в которых ты участвуешь?

Это была правда. Хотя Мартина и была добровольной помощницей, а вся ее «корысть» заключалась якобы в добывании реальных сюжетов для своих романов, он щедро поощрял ее усердие. Она, конечно, об этом помнила и примирительно сказала:

– Ладно, не кипятись. Я пошутила. Когда ты планируешь поездку?

– Как только договорюсь с этой фрау Керн из Майнца.

– Вот когда договоришься, тогда и спрашивай.

По лицу Мартины он понял, что она, конечно, согласна. Просто еще не остыла после произошедшей перепалки. Но желание задираться еще не оставило молодую женщину, и она начала свой обычный допрос:

– И чем же нам поможет фрау Керн?

– По меньшей мере покажет место, где подняла записку.

– И как мы протянем ниточку поиска от этого места к разыскиваемой Жаклин?

– Я думаю, она где-то рядом.

– Это как? Где-то сидит и наблюдает, кто же поднимет записку? А вдруг она передала записку другому человеку и было это совсем не в Майнце? А человек оказался по своим делам в Майнце да и обронил записку.

Макс занервничал:

– Мартина, ну какой другой человек? Если бы таковой имелся, то не проще ли ему рассказать о происшедшем и попросить позвонить в полицию? Твои фантазии запредельны и исключают всякую логику.

Она задумалась, потом зарделась и нехотя выдавила из себя:

– Ну да, ну да... Я, пожалуй, перегнула. Извини. Но это твоя вина – расстроил меня с самого начала.

– Вот и славно. Обиды в сторону. Нет никакого другого человека. Жаклин как-то изловчилась подбросить записку самостоятельно. При этом она не очень-то рассчитывала на удачу. Ей просто повезло, что подвернулась эта фрау со своей собакой.

– Что значит «изловчилась»?

– Очень просто. Есть некто, кто ее контролирует. Ей удалось на какое-то время уйти из-под контроля и... бросить записку туда, где ее и нашли... Что мы можем сейчас еще предположить? Ничего. Надо ехать на место, где была найдена записка, и там разбираться. Действовать по обстоятельствам, так сказать, моя писательница.

– Опять рассчитываешь на счастливый случай? А где же твоя дедукция?

– На случай я не рассчитываю, но не исключаю его. А дедукция... Есть и дедукция, правда, в упрощенном варианте.

– И как же это звучит?

– А очень просто. Если на земле валяется записка, то су-

ществует некто, кто ее написал и сюда бросил. И совсем не исключено, что этот «некто» где-то рядом, – Макс расхохотался, а Мартина немедленно парировала:

– Ты снова выкрутился. Пользуешься доверчивостью дуручки, не поглотившей в детстве и десятой доли тех детективных историй, которыми ты зачитывался.

– Зато ты их пишешь.

На некоторое время воцарилась тишина, затем Мартина миролюбиво сказала:

– Максик, я, пожалуй, поеду. Не уверена, что доберусь сегодня до сервиса. Позвонишь, когда решишь вопрос с Майнцем.

Макс проводил Мартину до машины и, когда она уже села за руль и машина тронулась, бросил на ходу:

– Открой пошире окно, чтобы совсем не упариться. Я вижу, хотя дело и идет к вечеру, жара не унимается.

Он постоял еще несколько минут, глядя вслед машине. Он снова подумал о поездке в Майнц и пока совсем не представлял, как там будет действовать.

Понятие «вероятность» – не в бытовом, а вполне математическом смысле – даже усилило свое присутствие в жизни Дитмара. И не только потому, что Гундер после сдачи школьного экзамена на зрелость поступил на математический факультет университета и среди прочих разделов математики изучал теорию вероятностей, а еще и потому, что, как всякий студент, Дитмар нуждался в деньгах, вероятность появления которых у него в большом количестве была ничтожно мала. Он опробовал разные способы подработки, включая такие привычные для студенчества, как репетиторство, работа в магазине и кафе, дежурство по ночам и даже уборка помещений. Все это не приносило больших доходов, но позволяло иногда сходить на студенческую тусовку и не считать при этом каждый евро.

Но денег хотелось все больше. Однажды в студенческой столовой, расположенной на территории университетского кампуса, сокурсник, сдвинув несколько столов, пригласил Дитмара и еще нескольких парней отметить его «огромный успех». Он заставил столы едой и напитками, и компания на славу повеселилась. Оказалось, что «огромный успех» означал всего лишь неплохой выигрыш в лотерею. И для того чтобы выиграть, ничего не надо было делать. Следовало лишь регулярно участвовать в лотерее и полагаться на уда-

чу. И если повезет, можно даже сорвать джекпот. То, что за участие в лотерее нужно платить деньги, как-то уходило на второй план. Ведь сумма платежа зависела от количества комбинаций чисел, которые будут участвовать в розыгрыше. Если оплачиваешь мало комбинаций, то и денег за это надо тратить немного. Поначалу Дитмар так и делал. Платил немного, а в день розыгрыша узнавал, что снова ничего не выиграл. И кому, как не Дитмару Гундеру, было понятно, что чем больше комбинаций, тем выше шанс. Пресловутая вероятность и здесь правила бал. Он стал платить еженедельно (а иногда и два раза в неделю) больше денег, но все равно ничего не выигрывал. В такие дни снова вспоминались слова учителя Клоса: «Понимаешь, Дитмар, если вероятность даже очень высока, может случиться так, что событие никогда не наступит в обозримый для тебя промежуток времени. Заруби себе на носу». Он разрабатывал всяческие системы выбора чисел для комбинаций и иногда стал выигрывать, но, когда сравнивал сумму выигрыша с потраченной, обнаруживал, что снова внакладе. Играя в «6 из 49», он начал ставить крестик на дополнительных опциях, включая «Спираль удачи». Выбрав комбинации чисел, он применял их в розыгрышах в течение нескольких недель, что позволяли правила лотереи. Все эти дополнительные возможности требовали дополнительных денег. По теории вероятностей шансы на крупный выигрыш росли, но применительно к Дитмару почему-то продолжало действовать «правило Кло-

са» (так он прозвал озвученные в далекие школьные времена учителем Клосом неутешительные результаты заигрываний с вероятностями). Скоро он заметил, что все, что он зарабатывал традиционными способами, пожирал хищный зверь под названием «вероятность», так и не укрощенный лучшим учеником математического класса Дитмаром Гундером. Уже не хватало денег на простые студенческие забавы.

Дитмар ступил в дом и подошел к зеркалу в прихожей. На него глянуло усталое лицо мужчины приятной наружности, но с заметными морщинками вокруг печальных глаз. Он сбросил куртку и прошел в комнату. Сегодня он побывал в казино, где в очередной раз пообещал в скором времени погасить весь долг. Лица кредиторов были неумолимы и даже суровы. Было ясно, что поблажки не будет. Также было ясно, что, пока он не вернет долг, у него не будет шанса отыграться. Больше никто денег в долг не даст. Весьма печальным был и тот факт, что с каждым днем росли проценты.

Зазвонил телефон. Все тот же мужской голос сказал:

– Я выяснил, кто этот второй.

– Каким образом?

– Самым простым. Он же был в крематории. Я побывал там. Мне назвали его имя. Дальше дело техники.

– Как же его зовут?

– Макс Вундерлих².

– Приметное имя.

² Вундерлих (нем. wunderlich) – чудесный, особенный, редкостный.

- Да, особенно если учесть, что он частный детектив.
- Очень интересно.
- Интересно, что он там вынюхивал и откуда у него какая-то информация?
- Пожалуй, только от этого изобретателя.
- Ты хочешь сказать, что этот Курт Хильберт что-то заподозрил?
- А что же еще?
- Для этого нужны основания. Откуда они у него? Он же целую вечность где-то болтался и не может знать никаких подробностей.
- Сообщи, пожалуйста, об этом на всякий случай туда.
- Я уже это сделал.
- Вечно ты вперед лезешь, – проворчал Дитмар, а потом добавил: – Хотя и кстати.

Он положил трубку и пошел к бару. Для того чтобы выпить, есть все основания, решил он. Новость была не из приятных. Ее нужно было переварить. Вероятность грядущих неприятностей росла.

Сыщик набрал номер телефона Мартины и почти сразу же услышал:

– Хай, Максик! Ты откуда? С Бейкер-стрит? Из этого уютного гнездышка, где родились многие сюжеты моих детективных историй?

Он понял, что настроение у Мартины великолепное, и в тон ей сказал:

– Спешу усилить твоё радостное состояние и сообщить ещё одну приятную новость.

– Какую же, мой сыщик?

– Мы едем в Майнц.

– Замечательно. Итак, продолжение следует.

– Да, и начнется оно с водного путешествия.

– Это ещё зачем?

– Решил совместить полезное с приятным. Ты же, надеюсь, не забыла, что сейчас лето. Люди отдыхают, совершают экскурсии. Почему бы нам к ним не присоединиться?

– Послушай, люди веселятся, а нам нужно работать.

– Мы и будем работать, но до Майнца доберемся водным маршрутом. Ты ведь знаешь, что в эту пору из Франкфурта отправляется много прогулочных корабликов, и на одном из них мы и попадем прямо в Майнц. Сначала по Майну, который, если ты не забыла, впадает в Рейн, а потом чуть-чуть

по Рейну – и мы на месте. Я уже созвонился с фрау Керн. Оказалось, что это место, где она подняла записку, недалеко от реки. Нам даже так будет удобнее путешествовать. Пройдемся вдоль Рейна, посмотрим на тамошние пейзажи.

– И когда? Прямо завтра?

– Прямо сегодня. Я заказал билеты.

На том конце беспроводной линии воцарилось молчание. Макс приготовился услышать от Мартины поток упреков, но, на удивление, она сказала довольно миролюбиво:

– Если отправление не раньше чем через два часа, то я готова.

– Отлично. Отправление через два с половиной часа от причала Железный Мост. Знаешь такой?

– Еще бы. Я же родилась не в Швейцарских Альпах, а во Франкфурте.

– Тогда жду прямо там. Не забудь, наш корабль называется «Наутилус».

– Ты шутишь?

– Нисколько. Он действительно так называется. Всем хочется немножко романтики. В том числе и тем, кто дает названия речным кораблям.

«Наутилус» оказался самым крупным туристическим кораблем компании. По речным меркам он с его четырьмя сотнями пассажиров казался огромным. Мартина, когда они уже были на корабле, сказала:

– Максик, зачем ты выбрал такой большой корабль? Так

хотелось посидеть где-нибудь на нижней уютной палубе, чтобы народу было поменьше. А здесь людей прорва.

– Не паникуй. Здесь три палубы: нижняя, средняя и верхняя. Видишь, какое сегодня солнце? Сейчас все бросятся наверх, чтобы понежиться на солнышке, подышать воздухом, кто-то удовлетворится средней, а мы с тобой пойдем на нижнюю, где, не исключено, и обретем желанный для тебя уют.

Макс взял женщину за руку и, лавируя между снующими людьми, повел по лестницам на нижнюю палубу. Его предположение оказалось правильным: на нижней палубе действительно оказалось совсем мало людей, и Мартина успокоилась. Они заняли столик возле окна, и Макс заказал кофе. Кельнер пошел выполнять заказ, а Макс вдруг сказал:

– Я, пожалуй, поторопился. Может быть, ты есть хочешь?

– Нет. По меньшей мере не сейчас.

Они пили кофе и смотрели в окно. Вода Майна плескалась совсем близко: казалось, открой окно и протяни руку, и пальцы сразу же почувствуют прохладную влагу. За окном проплывали дома, машины и дороги. Поскольку река неширокая, картина за окном мало отличалась от той, которая была бы, если бы они не плыли по реке, а ехали по автострасде. Разве что отсутствие обгоняющих и несущихся навстречу автомобилей указывало на то, что они двигаются по водному пути.

Мартина сделала глоток кофе и прервала затянувшееся молчание:

– Как думаешь, что нас ждет в Майнце?

– Если говорить конкретно, то нас там ждет фрау Керн, немолодая дама с собачкой. Когда наш «Наутилус» причалит, я позвоню ей, и она двинется к условленному месту. Мы с тобой тоже двинемся туда. А что потом?

Макс замолчал, а Мартина продолжила за него:

– А потом наступит ситуация, которую ты часто описываешь как «пойди туда, не знаю куда», – она рассмеялась.

– Да, да... Удивительно живучая русская поговорка. И очень точно характеризует мою нынешнюю жизнь... Да и твою тоже. А если говорить серьезно, то будем действовать по обстоятельствам. Ведь должно же там быть нечто, что подскажет следующий шаг или как минимум направление движения.

– Философствуешь, как всегда.

– А что остается?

Мартина заглянула в свою чашку и, увидев на дне лишь коричневатый налет, сказала:

– Ну вот, и кофе допит.

– Предлагаешь заказать еще?

– Максик, я бы что-нибудь съела. Долго нам еще плыть? Успеем перекусить?

Он глянул на часы, пожевал губами, как бы что-то произнося про себя, и удовлетворенно сказал:

– А знаешь, неплохая и вполне осуществимая идея.

Мартина раскрыла меню и недолго думая ткнула пальцем

в одну из напечатанных строчек:

– Хочу вот это.

Сыщик заглянул в меню, сконцентрировал внимание на том месте, где застыл ее палец, и сказал:

– Выбор одобряю. Так что вот это два раза. Может быть, еще в придачу по бокалу вина?

Мартина кивнула, а Макс подозвал кельнера.

Вскоре тот принес заказ, и они стали с аппетитом уплетать отбивные с картофелем и зеленым салатом, изредка потягивая вино. Набежавшие облака закрыли солнце, за бортом стало темнее и прохладнее. На нижней палубе стали собираться люди. Кельнеры забегали с подносами, торопясь увеличить выручку. Макс глянул в окно и сказал:

– Смотри, Мартина, вон слева по борту показался железнодорожный мост через Рейн. По нему ходят поезда из Майнца на Франкфурт. Назад поедem по железной дороге.

Она приблизилась к окну, всматриваясь в указанном им направлении. Ее волосы коснулись его щеки, защекотали ухо, нос. Мартина снова опустилась на свой стул, а Макс сказал:

– Это значит, что мы уже почти приплыли. Через минуту приблизимся к месту впадения Майна в Рейн и повернем направо. А там рукой подать до нужного нам причала.

Корабль уже входил в Рейн и совершал маневр для поворота вправо. Его носовая часть как бы застыла на месте, а корма стала перемещаться по кругу. Вскоре корабль встал

перпендикулярно к руслу Майна, моторы взвыли, и судно, подрагивая, уверенно двинулось вниз по Рейну. Макс снова заговорил:

– Ну все, Мартина, собирай вещи. Осталось совсем немного.

Она засмеялась:

– Ты просто неугомонный. Успокойся. Какие вещи? Вот этот рюкзачок ты называешь вещами?

Макс оглянулся по сторонам. Удивленно отметил, что, кроме ее рюкзачка, его борсетки и легкой куртки на случай дождя, действительно ничего нет. Макс улыбнулся:

– Ты права. Что-то я разволновался, хотя, в самом деле, никаких оснований для волнения нет.

Они пешком шли вверх по берегу Рейна. Фрау Керн подробно объяснила, как, идя просто вдоль реки, найти нужную улицу. После Майна Рейн казался широченной рекой. Вновь появившееся солнце слегка серебрило мелкую рябь рейнской воды, громко кричащие чайки стаями проносились близко от поверхности реки. Тихие и робкие утки плавали недалеко от берега, иногда ныряя в поисках корма. И в такие моменты их лапки смешно торчали из воды. Прилегающая непосредственно к воде часть берега была устлана крупными камнями, защищающими остальной берег от разрушающего действия сильной волны. В это время мимо них как раз прошла крупная грузовая баржа и подняла сильную волну.

Набегающие волны с шумом разбивались о камни, превращаясь в разнокалиберные брызги. Мартина с восторгом прокричала:

– Никогда бы не подумала, что какая-то баржа на какой-то вполне обычной реке может гнать такую волну.

– Это не обычная река. Это все же Рейн – вторая по длине река Европы.

– Но совсем неширокая.

– Зато довольно глубокая. И не забывай, Рейн берет начало в горах Швейцарии. Сейчас мы, в некотором смысле, движемся к его истокам.

– Теперь все понятно. Вот почему ты его так расхваливаешь.

– А ты почему не поддерживаешь? Ведь для каждого немца Рейн – главная река его родины.

Мартина пожала плечами, виновато взглянула на Макса и тихо сказала:

– Не знаю, что и сказать. Никогда об этом не думала. Я выросла на Майне. Из других водоемов видела только Средиземное море. Но это совсем другое: вот там бывают волны. С этими не сравнить.

– Понятно, Испания, Италия, Греция...

– Все верно.

Макс начал поглядывать направо, отыскивая взглядом признаки местности, о которых говорила фрау Керн. Потом, озираясь по сторонам, не совсем уверенно произнес:

– Мартина, похоже, мы уже где-то близко...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.